

Тюрьма № 8

Геннадий Михайленко

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Геннадий Константинович Михайленко

Тюрьма №8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27345644

SelfPub; 2017

Аннотация

В тюрьму попадают разные люди и когда они оказываются за тюремным забором, уже не имеет значения кто и за что туда попал. Начинается другая жизнь. Эта новая жизнь, словно кривое зеркало искривляет судьбы людей, перемалывая их в жерновах тюремной системы.

Содержит нецензурную брань.

В тюрьму попадают разные люди и когда они оказываются за тюремным забором, уже не имеет значения кто и за что туда попал. Начинается другая жизнь. Эта новая жизнь, словно кривое зеркало искривляет судьбы людей, перемалывая их в жерновах тюремной системы.

В книге все описано, так сказать, глазами тюрьмы. Нет главных героев, есть проходящие через стены тюрьмы людские судьбы, разные, порой неожиданные и трагические. Но всех их объединяет одно – тюрьма и страдания, выпавшие на их долю.

Тюрьма №8 это реальное место, которое существует и сегодня. Книга заканчивается побегом осужденного, что служит, как бы символом тайного желания каждого кто попадает в тюрьму – стремление к свободе.

В книге никто не осуждается и не оправдывается. Читателю предоставляется возможность узнать из первоисточника о том, что происходит за стенами и самому сделать выводы.

...И словно тот, кто, тяжело дыша,
На берег выйдя из пучины пенной,
Глядит назад, где волны бьют страша,
Так и мой дух, бегущий и сметенный,
Вспять обернулся, озирая путь,
Всех уводящий к смерти предреченной.

Данте

«Божественная комедия»

акт первый

Тюрьма №8

Этап собрали в сборной камере подвала следственного изолятора. В обшарпанной и прокуренной камере вдоль стен стальные лавки из железных прутьев, на них разместились пассажиры, отправляющиеся в долгое путешествие. Путешествие, выбранное не по своей воле. Это была разношерстная толпа, совершенно случайно оказавшихся в одном месте людей. Что бы хоть как-то скоротать время, случайные попутчики пытались заняться чем-то полезным, кто-то курил, кто-то пытался заварить чай, протянув «паутину», проволоку от «луны», лампочки расположенной под потолком и закрытой решеткой. Умельцы, «причалом», это скрученная в узкую трубку газета, накидывали провод на одну клемму, а другой провод тянули к батарее. Провода брали от кипятильников, которые не забирал конвой. Еще можно было поднять чай на «факелах», туго свернутой газете и обернутой целлофаном, так «факел» горит достаточно долго что бы заварить чай, но при этом очень сильно коптит, но в камере много народу, не хватает воздуха, поэтому факела в этапке не разжигают.

Чай, это священный напиток в тюрьме. Раньше был под запретом. И многие заключенные «страднули» от администрации, за чаепитие отправляли на «кичу» штрафной изолятор в тюрьме. Когда разрешили зекам заваривать чай, это было воспринято как победа над режимом. Любая «посла-

буха», отвоеванная у администрации воспринималась как победа. И поэтому чаепитие, это особенная, можно сказать священная процедура в тюрьме. Заваривание чая тоже таинство, есть свои бренды – «Чиф» – очень крепкий чай, «купчик» – немного слабее «чифа», «сладкий» – чай с сахаром и не сильно крепкий. Также есть производные – «вторяки» это заварка которая остается после чаепития. У нее тоже было свое предназначение, можно было «поднять «вторяки», заварить уже то, что осталось после чаепития, а все что осталось – называлось – «нифеля», их тоже можно было использовать, например, для получения «чайного гриба». Чай перед этапом, важная процедура. Как правило на этап давали сухой паек, состоящий из куска хлеба и селедки. И если съесть такое, жажда замучает, а допроситься воды у конвоя, это как ждать дождя в пустыне. Поэтому выпив «чифа» на дорожку, после такой закуски, можно избавиться от жажды на какое-то время.

Обычно чай пили из одной кружки, пуская ее по кругу. В круг собирались как правило только знакомые или знакомые знакомых, чужаков не приглашали. Опасались, что может попасться какой ни будь с «подмоченной репутацией» или отсаженный на «кругаль» – что-то «накосячил» серьезное и теперь его судьба решается в среде авторитетных зеков. Пока не выяснят причины и не вынесут решение, такой зек считался «отсаженным на кругаль», пить чай с сокамерниками ему запрещено. Но иногда, бывают такие, что пыта-

ются скрыть от тюремной общественности свое темное прошлое или настоящее, делают вид что они «мужицкой» масти. Но что бы ты не сделал, скрыть это невозможно, все равно выяснится кто ты и что за тобой тянется. Каждый поступок в тюрьме на виду и стоит один раз оступиться уже ничего не спасет от раз и навсегда запятнанной репутации в среде арестантов.

Это пускание по кругу железной кружки, черной от частого заваривания чая, настоящее таинство, объединяющие зеков и дающее им чувство защищенности и выказывающее групповую поддержку в сложной жизненной ситуации. Каждый осторожно брал в руки горячую кружку и делал маленький глоток горячей, черной почти густой жижи, которая обжигала рот и горло и теплом расходилась по всему телу. Потом осторожно передавалась соседу и так дальше по кругу. Если упаси Боже кто-то расплескивал хоть каплю, обычно ему делали замечание – «смотри я за чай и раскрутиться могу» имея в виду, что может даже пойти на новый срок. Такие круги могли состоять минимум из двух и до десяти и более зеков. Если у кого-то была конфета, то ее могли разрезать на множество мелких кусочков и положив под язык, смаковать.

Вот и в этот раз собралась несколько осужденных, знакомых между собой. Некоторые «ловились» уже, встречались

в «хатах» (камерах или на этапах в суды). Были и те, кто знал друг друга еще с воли. Могли встретиться и подельники, проходящие по одному и тому же делу. Иногда бывало кто-то сдаст своих товарищей за обещание сотрудничать со следствием, а его мало того, что осудят на больший срок и ничего не выполнят из обещанного, так потом еще специально подсадят на этапе к тем, кого он сдал.

Но такое бывало очень редко и если конвой ошибался, обычно забирали сразу, чтобы не было конфликтов.

Так можно было просидеть не один час, в ожидании конвоя. Время замерло. Да и куда спешить. У некоторых впереди годы и десятилетия. Пока ожидают вызова на «шмон», есть возможность пообщаться. Узнать новости, что творится в других тюрьмах, какой «движ», обменяться «малявами» (записка, туго скрученная и запаянная в целлофан) и прочее. Это был своеобразный информационный центр где сходилась и расходилась информация в тюремной среде. Здесь можно было увидеть новые лица. Ведь многие находились под следствием годы и не имели возможности общаться с другими осужденными с «глазу на глаз», так сказать.

Неторопливо передавалась кружка с «цифирем». Хмурые лица, многим назначили длительные сроки, было от чего хмуриться. Приговоры вынесены, сроки отмеряны. Вечность тихо дышит в затылок. Никто не знает, вернется из этой командировки живым – здоровым или нет.

Сергей, был с Украины. Ему дали семь лет зоны за убий-

ство. Скорее всего он не был виновен. Его просто, как говорят – назначили. Сам он из Ивано – Франковска, есть такой город в Украине. Как говорится – в прошлой жизни т.е. до приговора он работал дальнобойщиком, и часто проезжал транзитом Беларусь. Как-то раз к нему домой, в Ивано-Франковск приехали следователи из Беларуси. Их было двое. Попросили дать показания по делу пропавшей «плечевой», проститутки работавшей на трассе. Показали фото с камер наблюдения заправки, недалеко от которой пропала девушка. На фото был виден номер его машины, да и скрывать ему было нечего. «Да проезжал, но никогда не интересовался проститутками с обочины, дома ждет жена и двое детишек». Гости были встречены по всем законам Украинского гостеприимства. Хлеб, соль. Накормили, спать уложили. Утром гости попросили проехать с ними до Бреста, и дать там показания еще раз, как говорится на месте. Сергей не возражал. Такие приятные люди. Беларусь всегда была такая приветливая и знакомая, отчего же не съездить, тем более расходы брала на себя приглашающая сторона. Сели в поезд, взяли выпить. Хорошо идет водочка под стук колес и приятную беседу с приятными людьми. Утром в вагон зашли украинские пограничники, проверили документы, потом зашли белорусские. Документы в порядке. Можно и похмелиться. Потянулся Серега за бутылкой, но внезапно почувствовал, как на его запястье защелкнулись наручники. От недоумения он не мог произнести ни слова, просто сел на полку и от-

крыв рот уставился на вчерашних добрых знакомых с недоумением.

– Это что шутка?

– Нет не шутка, мразь, – получил он ответ от еще совсем недавно дружелюбных попутчиков. – Ты арестован.

Дальше начался кошмар, в который трудно поверить. По приезду в Брест начались пытки с требованием признаться в содеянном. «Висяк», нерасследованное дело о пропавшей проститутке портило отчетность по раскрываемости и начальство постоянно устраивало так называемые «выволочки» операм за плохую работу. Нужно было каким-то образом найти преступника, вот легавые и решили закрыть дело об исчезнувшей «плечевой», за счет Сергея, выкрали человека, обманом заманив в Беларусь, зная, что вряд ли кто-то будет искать и что-то доказывать, да и у Сергея не было шансов отбиться на чужой территории. Потом получили награды и повышения. Его пытали так, что он кратковременно ослеп от боли, а глаза начали гноиться. И дыба была не самым страшным инструментом. Он отказывался от всех выдвинутых обвинений. Его оставляли висеть на дыбе сутки, не давали пить. Понимая, что он не «расколется» так как не за что было «раскалываться», пригрозили, что убьют, а подстроят все так, как будто проводили его на поезд, а что случилось в дороге, кто его знает?

«Сделаем все чисто, никто не узнает что мы тебя порешили тут», шептал опер на ухо висевшему на дыбе Сергею.

Это была не пустая угроза. Да и сил терпеть уже не было. Все это продолжалось уже неделю. Сергей понимал, выбор не большой или он умрет или как-то сможет вырваться от этих изуверов только через признания в преступлении которое не совершал. Как только он принял решение принять условие мусоров, пытки сразу же прекратились, разрешили свидание с женой.

Она, когда увидела его, почерневшего от пережитого, упала в обморок. Потом долго плакала обняв его. Ее тело вздрагивало от рыданий, но она не издала не звука. Они были в каком-то ступоре от обрушившихся невзгод. Трудно было поверить в происходящее, но все указывало на то что это была реальность. Была жизнь до этого и теперь будет после этого.

Суд длился не долго. Когда подсудимый признает свою вину, суд это всего лишь формальность для оценки собранных следствием доказательств. В деле Сергея, их практически не было. Видео с заправки, где виден номер его автомобиля. Найденные в лесу останки, которые не удалось идентифицировать с жертвой, так как родственники заявили, что не признают в них пропавшую. Обычно по такому уровню делам, суд не колеблясь дает максимальный срок или «вышку» высшая мера в Беларуси – расстрел. В данном случае, приговор был тринадцать лет и шесть месяцев. В таких случаях говорят – сорвался, имея в виду что получил самый минимум из возможного. Очевидно суд не убедили, и это говорило о многом. Когда суд был у верен, давал на полную,

т.е. максимально по статье. Расстрел или 25 лет зоны. Как дико это не звучит, Сергею можно сказать повезло. Позже ему удалось добиться перевода на отбывание срока в Украине, вот он и ожидал этапа в сборной камере.

Карательная система работает без отдыха. Поглощает новые и новые жертвы. Этапы идут без перерыва. Кто-то за дело попал, а кто-то волею случая или злого рока. Но на этапе всех объединяет неопределенное будущее, ведь никто не знает, что будет дальше и как закончится эта долгая дорога в неизвестность. Только когда арестанты садятся пить чай, кажется только эти минуты позволяют им почувствовать себя уверенно и не думать о неминуемой участи, уготованной им судьбой. Вот отхлебывает из «кругаля» чай, грозный бандит Гена был в банде, которая контролировала проституцию и занималась вымогательством, в крупном областном городе. Их называли «огнетушители», потому что главари группировки, еще до бандитской квалификации, брали первые места на соревнованиях по пожарному многоборью, оказывается был такой вид спорта в Беларуси. Но позже, перекалфицировались в бандитов наводя ужас на местных жителей своей жестокостью и безнаказанностью. Наверняка они действовали с молчаливого или негласного одобрения местных милиционеров, потому как за короткое время смогли разрастись до крупной группировки, по слухам насчитывавшей до пятисот активных участников. Но на каком-то этапе вышли из-под контроля и начали беспредельничать, очевид-

но посчитав себя настоящими мафиози, забыв при этом, что они всего лишь проект, который срежиссирован не в их интересах. Вот и начались массовые аресты всех возможных и не возможных участников «огнетушителей». Когда в тюрьме начали появляться первые «огнетушители», поначалу к ним относились настороженно, как никак бандиты. Но присмотревшись к ним повнимательней, арестанты начинали понимать, что они больше походили на обычных хулиганов, чем на серьезных бандитов. И как-то не верилось, что этот добродушный увалень по имени Гена, проходивший по статье бандитизм, мог кого-то контролировать или заниматься рэкетом, особенно кода он произносил слово «мамка», упоминая свою маму, носившую ему каждую неделю передачи в СИЗО. Ему еще самому нужен был контроль. И вместо срока в 10 лет строгого режима можно было обойтись двумя «подсрачниками» или поркой на крайний случай. Можно только догадываться, что из него получится после десяти лет отсидки на зоне строгого режима.

Разные судьбы, разные истории, разные люди. Как попадают сюда? Иногда и не поверишь, как это легко, как эта грань тонка, между тем и этим мирами. На этапе можно услышать разные истории. Вот потягивает чай, обхватив кружку двумя руками, парень, лет тридцати. Он жил в Амстердаме, у него была приличная работа, семья. Теперь нет ничего. Он приехал выручать брата в Гомель. И вот теперь получил срок – восемь лет, за попытку дать взятку должностному лицу.

История его невероятная. Сергей, так его звали, уже давно уехал жить за границу и ничего его в принципе не связывало с родиной кроме родного брата. Брат, Игорь гонял машины из Европы вместе со своим партнером. Они часто виделись, Игорь приезжал бывал у брата в Амстердаме, когда приезжал за подержанным авто для очередного клиента. Работали под заказ, когда кому-то нужен был автомобиль и не было времени или желания ехать за ним в Европу, обращались к Игорю или его партнеру Алексею. Тогда они брали аванс и отправлялись за покупкой. Все очень просто. Так делали многие. Бизнес приносил доход, позволяющий жить без особых забот. Не всем это было по душе. Были и завистники.

Как-то к ним обратился общий знакомый и попросил пригнать две машины. Заказ был хороший. Заработок тоже. Заказали авто класса «люкс». Правда смутило, что задаток дали маленький для такого заказа, но заказывал знакомый, а он работал в «органах» (так называли тех кто работает в правоохранительных органах), чего же бояться, согласились и отправились за машинами. Через неделю два блестящих лаком на солнце мерседеса стояли возле подъезда Игоря. Ждали заказчиков, с минуты на минуту они должны были подъехать, окончательно рассчитаться и забрать машины. В дверь позвонили, Игорь пошел встречать гостей. Из коридора донесся крик, «Все на пол, работает ОМОН», потом грохот, крики, брань. В комнату вбежали люди в масках и с автоматами. Прикладом сбили с ног Алексея, повалили на пол за-

ломив руки за спину и защелкнув наручники на запястьях. Первые минуты трудно было понять, что вообще происходит. Когда Игорь и Алексей уже лежали на полу, лицом вниз и закованные в наручники, в комнату зашли оперативники вместе с понятыми и зачитали постановление прокурора на обыск и задержание. Потом их подняли и усадили на стулья, что бы они могли расписаться в постановлении. Дальше все было как в тумане. В квартире перевернули все вверх дном. Вещи были разбросаны, мебель практически разобрана. Когда нашли ключи от пригнанных машин, пошли «шмонать» и их. Через какое-то время вернулись и предъявили для опознания небольшой пакетик, обернутый в целлофан из-под сигаретной пачки. На вопрос – «Что это», ответили, понятия не имеют. Тогда им объявили, что в пригнанных автомобилях, предположительно найден пакет с марихуаной. И спросили кому это принадлежит, на что так же был получен ответ, что понятия не имеют, о чем речь и кому это принадлежит и вообще, что это на самом деле. Задержанных поместили в СИЗО. Их сразу же разделили, отправили по разным камерам. Иногда вывозили на допрос, но тоже по отдельности, так что понять, что происходит на самом деле было невозможно. Им предъявили обвинение в хранении и сбыте наркотических средств. Статья по этому преступлению предусматривала наказание от 8 до 12 лет лишения свободы и «отбиться» от такого обвинения было не то что непросто, а практически невозможно. Очень печальные

перспективы. Потом Игоря перестали вызывать на допросы, и он томился в неведении. Узнать что-либо от Алексея было невозможно. Он словно испарился. Конечно же Игорь был уверен в своей невиновности. С наркотиками он никогда не имел дела и даже в голову ему не приходило пробовать или тем более сбывать эту дрянь.

Тем временем, Сергей начал волноваться. Брат давно не выходил на связь, да и партнер его, Алексей тоже куда-то запропастился. Попытки выяснить что-то у знакомых или соседей не дали результата. И вот, когда уже Сергей собирался заказывать билет, раздался телефонный звонок. Это был Алексей. Он сообщил, что Игорь арестован по подозрению в хранении и сбыте наркотических средств в особо крупном размере и ему грозит от восьми до двенадцати лет лишения свободы. От услышанного у Сергея все похолодело внутри, словно его обдали изнутри ледяным душем. Первые минуты он не мог вымолвить не слова. Перед глазами пронеслась вся их с братом жизнь. «Слава богу, родители не дожили», подумал он. В телефонной трубке раздался голос Алексея:

– Сергей, ты там?

– Да-да я здесь, – последовал ответ.

Потом словно очнувшись от сна, Сергей сорвался практически на крик.

– Какие к черту наркотики, что ты такое говоришь, тебе ли не знать, что мой брат никогда этим не баловался, – заорал он в трубку.

На другом конце, никто не ответил.

– Алло, Алексей, ты меня слышишь? Объясни, что происходит в конце – концов? – прокричал в тишину Сергей.

– Я не могу всего тебе так сразу объяснить. Сам ничего не понимаю.

– Кто его арестовывал, кто ведет дело, можешь узнать?

– Да я все узнаю и тебе перезвоню, только прошу пока не поднимай шум. Может мы найдем как помочь Игорю, – заверил его Алексей.

– Ладно, я вылетаю первым же рейсом.

– Нет, подожди, сначала я все узнаю, а уже потом приедешь, – ответил Алексей.

Ему удалось немного успокоить Сергея, и они договорились, что завтра созвонятся и к этому времени Алексей попытается узнать больше информации о произошедших событиях.

На следующий день Алексей перезвонил. Он объяснил, что дело серьезное, но он нашел выход на следователя и тот согласен помочь, естественно не даром.

– Сколько? -все что спросил Сергей.

Алексей взял тайм аут на пару дней. Появилась надежда. За брата он готов отдать все что у него есть, лишь бы только спасти его, вытащить из этого безумства. Он давно настаивал, что бы Игорь переехал к нему в Амстердам. Но тот все откладывал. И вот надо же такому случиться!

Тем временем, Игоря привезли на допрос к следователю.

Тот сидел за столом и перелистывал уже распухшее дело.

– Ну как настроение, – поинтересовался следователь. Ему было на вид лет двадцать. Одет он был в костюм не по размеру. Манжеты белой рубашки смешно выступали из рукавов пиджака. Он был похож на жениха в этом наряде.

– Лучше всех, – ответил Игорь, уставившись на стену и стараясь не смотреть в глаза следователю. Тот помолчав немного, начал расспрашивать про автомобили и еще другую чепуху, не относящуюся к делу. Потом как-то странно перешел к родственникам Игоря.

– Скажите у Вас есть брат?

– Да, есть.

– А где он сейчас?

– Он живет не здесь, уехал давно. Сейчас в Амстердаме живет.

– В Амстердаме, – как эхо повторил следователь.

– Столица пагубных страстей, это правда, что там можно свободно купить наркотики?

Темная волна догадки словно накрыла Игоря.

– Это куда вы клоните?

– Да так, просто спросил. Какое-то странное совпадение.

Во рту Игоря моментально все «пересохло», язык не слушался. Он не мог поверить, что может ожидать его брата из-за него.

– Ну вы и сука, – все что он смог выдавить из себя.

– Увидите, – дал команду конвойным следователь и уже в

вдогонку бросил:

– Мы еще с вами на эту тему побеседуем.

В это время Алексей встретился с покупателями автомобилей. Они были не довольны, тем что машины арестованы как улики. Ведь пакетик с марихуаной обнаружили в одной из них и, следовательно, авто подлежали конфискации. Алексей был выпущен под подписку о невыезде. Он дал согласие сотрудничать со следствием с условием дать правдивые показания. Следователь заявил ходатайство прокурору и вот, до суда Алексей мог находиться на свободе. Покупателями были двое сотрудников, оперуполномоченные внимательно выслушали рассказ Алексея. Показали желание как-то «разрулить» эту историю и забрать свои хоть и частично, но оплаченные автомобили. В знак того что с него не будут требовать штрафных санкций, Алексей готов был оказать им любую услугу.

– Слушай, а брательник его, что живет в Амстердаме, у него с «баблом» все нормально? – спросил один из покупателей.

– Да вроде бы есть, – ответил Алексей.

– Мы можем помочь договориться со следаком, – сказал другой покупатель.

– Сколько он даст, чтобы брата выкупить?

– Не знаю, надо спросить.

– Давай так, мы тебе организуем закрытие дела и прощаем долги, а ты нас сводишь с его брательником и мы дого-

воримся по сумме. Дело закроют, и мы заберем свои тачки. Естественно тебе все простим. Договорились?

Немного помолчав, Алексей выдавил из себя:

– Согласен, договорились.

Выхода у него не было. Так или иначе он под следствием и, если дело не закроют получит срок вместе с Игорем.

Как и договаривались, Алексей перезвонил в Амстердам. Сказал, что нашел людей, которые помогут решить вопрос. В процессе переговоров была названа сумма, за которую закроют дело и отпустят Игоря. Сто тысяч долларов – цена свободы. Сергей долго не раздумывал, брату нужна помощь. Были кое – какие сбережения, на черный день. Никому о них не было известно, только он и Игорь знали, о том, что у них были такие деньги. Билеты были куплены на ближайший рейс до Минска. Смутное чувство беспокойства не прокидало Сергея, но он все это относил на счет произошедших событий. Провозить такую сумму было противозаконно, нужно было декларировать. Но Сергей не волновался, новые знакомые обещали зеленый коридор. В назначенный день, он прилетел в Минский международный аэропорт, пограничник долго рассматривал его Нидерландский вид на жительство, потом безучастно спросил:

– С какой целью прибыли?

– В гости, – последовал ответ.

Проход через таможеню. Предательски заколотилось сердце, но Сергей взял себя в руки и направился через зеле-

ный коридор. На выходе стояли таможенники и как казалось на выбор останавливали тех, кто идет через зеленый коридор для досмотра. Сергей старался идти не быстро и не медленно, не смотрел в сторону таможенников, сверливших его рентгеновским взглядом. И вот наконец то распахнулись двери, и он оказался в зале прилета. «Здравствуй родина». Подумал про себя Сергей и сделал шаг на встречу двум короткостриженным, грозного вида мужчинам, по описаниям похожих на вызвавшихся помочь его брату.

– Добрый день! Сергей – сказал он, протягивая руку незнакомцам.

Те поочередно поздоровались, называя свои имена, протягивая руки, с ладонями похожими на лопату.

«Что-то не очень они похожи на спасателей» – подумал Сергей, но постарался отогнать плохое предчувствие, которое только усиливалось с прилетом в Минск. На улице их ожидал автомобиль. Нужно было еще доехать до Гомеля, а это еще где-то около трех часов езды. В машине, кроме Сергея и двух его новых знакомых, был еще и водитель. Сергею предложили сесть вперед. В дороге почти не говорили. Все детали передачи денег обсудили заранее по телефону. Единственное, что спросили новые знакомые, это :

«Привез?».

На что Сергей ответил кивком головы. Подъезжая к Гомелю, один из встречавших позвонил кому-то и коротко, словно отрапортовал, «Подъезжаем, будем, через десять минут,

встречайте». Было договорено, что сразу же подъедут к следователю где все и порешают. Через десять минут уже заходили в главное управление по Гомельской области. Пройдя формальности на посту охраны и пройдя по темным и длинным коридорам, зашли в кабинет следователя.

– Добрый день, – сказал невысокий человек, со смешно торчащими белыми манжетами из рукавов пиджака, он был скорее похож на жениха, чем на следователя, подумал про себя Сергей.

– Добрый,

– Я Сергей Т., приехал к Вам по поводу моего брата, с ним случились неприятности.

– Да, да – мы в курсе, – последовал ответ. Серьезное преступление, совершил Ваш брат и не хочет сознаваться.

От услышанного Сергей немного растерялся, ведь он ехал с уверенностью, что все уже договорено и нужно лишь передать деньги. От волнения у него пересохло во рту.

– Но ведь, мы же договорились с вашими коллегами, что все можно решить, – сказал немного, запинаясь Сергей. Он открыл портфель и положил на стол следователю пакет, в котором лежали десять пачек по десять тысяч, всего сто тысяч долларов.

– Что это? – спросил следователь, делая круглые глаза от удивления.

– Как что? – переспросил Сергей.

– То, что обсуждали с вашими коллегами, помощь в осво-

бождении моего брата.

– С какими коллегами? Какое освобождение? Ваш брат «злюдий» и будет осужден на длительный срок. – повысил голос следователь.

От услышанного у Сергея потемнело в глазах, словно как тотемная и липкая волна накрыла его от осознания происходящего.

– Вы мне предлагаете взятку? – заорал следователь.

Сергей потянул пакет с деньгами к себе. Но тут в кабинет ворвались «новые друзья» еще недавно встречавшие его в аэропорту навалились на него, не давая выпустить пакет из рук и повалили на пол. Его задержали за попытку дать взятку следователю, расследующему дело его брата.

На следующий день, Сергей проснулся в СИЗО г. Гомеля. Зловоние камеры ударило ему в нос. Всепоглощающее отчаяние охватило его. Мысль о том, что он не скоро увидит свою семью и вернется в такой родной и спокойный Амстердам, постоянно крутилась в его мозгу. Он лежал на «шконаре», уставившись в стену камеры. Все что происходило вокруг, казалось каким-то футуристическим бредом. Камера жила каждодневной тюремной жизнью. Кого-то вызывали на допрос, кто-то получал передачи, а кто-то заваривал «чифирь». Его пытались пригласить, попить чайку, но у него от одной мысли, что придётся прикоснуться губами к грязной тюремной кружке после непонятного вида людей, пробежала дрожь по телу. Еще вчера, он пил ароматный кофе в кафе

«Star Bags» в аэропорту Амстердама и вот сегодня уже какой-то косматый мужик пытается сунуть ему в руки тюремный «кругаль» с чифирем.

Сергея долго не вызывали на допрос. Один раз приходил адвокат, положенный по закону, он сказал, что шансов у него нет, попытка дачи взятки следователю при исполнении, да еще и в таких размерах, это серьезное преступление и скорее всего его осудят по статье, которая предусматривает лишение свободы сроком от 8 до 12 лет. Выслушав его, Сергей молча уставился в зарешеченное окно комнаты для свиданий в СИЗО. «Это какой-то бред, о чем он говорит?» – подумал он. Но решётки на окнах говорили об обратном, все это происходит на самом деле. Он решил отказаться от адвоката, потому что смысла в нем не видел. Если уже все решено, то к чему этот цирк. Скорее всего, адвокат передал ему слова следователя. Они попрощались. Следующий раз они увиделись только на судебном заседании. Всего их было пять. На пятом огласили приговор – восемь лет усиленного режима в исправительно-трудовой колонии с конфискацией имущества. Обжаловать приговор он не стал.

Параллельно шли суды над его братом. За хранение, перевозку и сбыт наркотических средств, прокурор запросил десять лет, а суд учел смягчающие обстоятельства и Игорю дали всего лишь восемь лет. Сергей узнал об этом из тюремной почты, которая регулярно приходила в камеру. Между «хатами», так в СИЗО называли камеры, была налаже-

на связь. Письма, «малявы», туго скрученные и запаянные в целлофан, записки передавали посредством «дороги». Веревки из ниток, вытащенных из тюремных одеял и сплетенные для прочности, их еще называли «коником».

Работало это так, специальным постукиванием в пол или стену давали сигнал, что бы готовились принять «коника» и специальным причалом, скрученным из газеты, ловилась веревка, к которой была прикоплена «малява». Как только получали, давали отбой и коника тянули обратно уже с «малявами», которые отправляли другим адресатам, на целлофане писали номер камеры. Для того, чтобы контролеры не видели в глазок, что происходит в камере ставили кого-то закрывать его спиной, это называлось «прибить шнифты». «Шнифт» это на жаргоне и есть тюремный глазок. Контролер не имел право один входить в камеру, поэтому он со всей дури тарабанил резиновой дубинкой в железную дверь и горланил:

«Отойдите от двери!»

Ведь так он не видел, что происходит в камере, вдруг там кого-то убивают и он должен дать сигнал тревоги, что бы прибыл тюремный спецназ, да, есть и такой.

В одной из таких записок он узнал о том, что его брат находится в одной из камер этажом выше. Так они и наладили связь. Позже узнали, все что с ними произошло – было подготовлено и спланировано заранее.

Не ясна была роль Алексея во всем этом, пока на суде не

выяснилось, что он как говорится, деятельно раскаялся и сотрудничал со следствием. Следствие, ходатайствовало перед Судом, об условном сроке для него, но как ни странно, судья назначил Алексею пятилетний срок, он был взят под стражу в зале заседания, помещен в СИЗО и теперь его где-то прятали.

Складывая все события в один ряд, Сергей понял, что он с братом стал жертвой зависти. И этот демонический план был разыгран умелой рукой. Машины были конфискованы, квартира брата тоже. Естественно лишился он и денег, которые вез для спасения брата. Практически всего они лишились. Остался у них только срок, на двоих шестнадцать лет.

Сергею запомнился последний день в камере, перед отправкой на этап. За время, проведенное здесь, он успел освоиться, именно освоиться, потому что привыкнуть к этому невозможно. Люди, словно тени прошли перед его глазами за те несколько месяцев нахождения в камере, пока шло следствие. Кого-то бросали в камеру, кого-то забирали. По началу ему было все равно, но со временем, он начал присматриваться к людям, которые его окружали и даже к некоторым из них начал проявлять симпатию. Среди тех, кто действительно заслуживал наказания, встречались те, кто попал сюда, так же, как и он, по стечению диких обстоятельств или по злой воли, как хотите называйте.

Первое время, он не мог ни пить не есть. От шока, который не давал ему даже осознать, что с ним произошло. Он

был словно под анестезией. И даже физическую боль не чувствовал. Просто лежал как овощ на «шконаре» и сверлил взглядом стену. Сокамерники его не беспокоили, лишь изредка, кто-то говорил,

«Посмотри, не помер еще», – на него заглядывали через плечо и отвечали,

«Неа, ещчо дышает».

Так тянулись дни. Через какое-то время он начал подниматься со «шконки» и брать баланду, которую разносили три раза в день и подавали в маленькое окошко в двери, «кормушка», называли ее заключенные. Действительно это напоминало кормушку в зверинце. Да и зверинец, подходящее название для этого места. Кого тут только не было, от хулиганов до директоров заводов. Разношерстная публика, действительно напоминала зверинец. В реальной жизни, эти люди вряд ли собрались бы вместе.

Как-то раз, посреди ночи он услышал звук, похожий на вой. Только как бы приглушенный. Поначалу, он даже подумал, что начал сходить с ума. Но прислушавшись, понял, что звук доносится с «пальмы». Шконоря, в третьем ярусе. Там обычно жили, те чей статус уже был понятен. Их метко назвал один из сокамерников – «дерволазы», типа лазающие по деревьям, то есть «пальмам» (пальмами называли ряды трёхъярусных шконарей в камере). Им приходилось, аккуратно взбираться на верх, чтобы никого не зацепить. Так вот оттуда и доносились звуки. Там «жил» парень, лет девят-

надцати. Он был арестован по подозрению в убийстве собутыльника. Он был сиротой и как-то на стройке, они распивали «бырло», дешёвое вино, на самом деле и вином то это нельзя было назвать, так, сок разбавленный дешёвым спиртом. Такое продавалось во всех магазинах, местного разлива, с одной стороны боролись с пьянством, а с другой плодили этих пьяниц, словно специально, чтобы давать работу мусорской системе. Выпив такое пойло, человек терял свой образ и превращался в животное, если такое употреблять часто, быстро окажешься в тюрьме или психушке. Так вот, собутыльник этого несчастного, выпил на пару глотков больше, и Леха, так звали пацана с пальмы, недолго думая взял первый попавшийся под руку булыжник и со всей дури огрел наглеца по голове. Тот свалился замертво. Леха вначале думал, что тот притворяется. Но потом понял, что дело плохо, вызвал милицию и вот он уже в СИЗО, дожидается суда и приговора, обычно за такие преступления давали не больше пятнадцати лет зоны. Понятно, что его жизнь была кончена, после стольких лет отсидки он вряд ли сможет вернуться в социум.

– Эй, ты чего, – спросил его шёпотом Сергей.

После небольшой паузы с «палмы», всхлипывая отозвался Леха:

– Что со мной теперь будет, конченная я мразь, мне конец, – и снова раздался протяжный приглушенный вой.

Вмешиваться в дела сокамерников и лезть с советами,

считается неприличным, могут и отшить резким словом, но Сергею почему-то стало жаль этого бедолагу. Он подумал, что Лехе намного тяжелее, чем ему, он еще и не жил в принципе, а уже попал в тюрьму, да и срок ему светит приличный. Такие моменты сравнения с бедой других позволяют почувствовать облегчение и хочется проявить сострадание к товарищу, по несчастью.

– Послушай, Леха, скажи мне, а у тебя были родители, ну или родственники?

Помолчав немного, тот ответил, что он сирота, вырос в детском доме и не помнит своих родителей, а родственники может и есть, но он о них ничего не знает.

– Скажи мне, а у тебя в жизни был хоть малейший шанс избежать всего того, что с тобой приключилось? – спросил его Сергей.

Похлопав носом, тот ответил, что нет, не было у него никаких шансов избежать того, что с ним приключилось.

– Тогда, забей на все и не вини себя, ты ни в чем не виноват, – сказал ему Сергей.

Через какое-то время, Леха успокоился и заснул мирно посапывая, словно с чистой совестью.

«Бедная душа», подумал Сергей,

«Ему еще тяжелее чем мне. Я хоть могу осознать все со мной происходящее, дать этому оценку, а вот он этого не сможет никогда, так и будет блудить в темноте неведения до конца своих дней».

Было еще пару человек, в камере, с кем Сергей поддерживал дружеские отношения, если так, можно сказать. Николай, тоже можно сказать сирота. Попал сюда, за то, что ограбил магазин в селе. Забрал бутылку «бырла» и из кассы пару рублей. Теперь ему грозил срок от семи до двенадцати за грабеж. Среди арестантов такую «делюгу» называли, «кража с криком». Если просто утащил что-то и никто не видел, это кража, ну а если при этом звали на помощь, уже грабеж, то есть, «кража с криком».

Дима, парень, лет двадцати пяти. Обвинялся в непредумышленном убийстве. В ресторане не поделил что-то с другим посетителем и ударил его столовым ножом. Оказалось, попал прямо в сердце, тот умер на месте. И вот теперь ему грозит «вышка», высшая мера. Расстрел. Но есть надежда, что ему дадут срок. Так как нападавших было несколько, а это может учитываться судом как смягчающее обстоятельство.

Закир, армянин. Давно живет в Белоруссии. Организовал банду по краже топлива из нефтепровода государственного значения.

Трудно было это назвать дружбой, так – симпатия. Такое часто бывает, когда проводишь долгое время в замкнутом пространстве с людьми тебе незнакомыми. Выстраиваются какие-то отношения, нет не дружба, какая в тюрьме может быть дружба.

В СИЗО наступает вечер. Другая жизнь. Никто не может

себе представить ее не побывав здесь. А попасть сюда может кто угодно. Особенно в Белоруссии. Сегодня ты на «ролях», а завтра уже в камере, тянешь руку за «баландой» в «кормушку». И уже нет ничего такого привычного, как в жизни до заключения. Ни уважения, ни внимания, ни заслуг. Тебя «обнулили». Здесь все по-другому. Обратная сторона жизни, словно кривое зеркало.

«Камера, я стою и пытаюсь положить в «шлемку» (алюминиевую миску) «баланду» (тюремное варево, еду которую скармливают арестантам. Есть невозможно, но с голоду не умрешь, кому «грева», (передачи с воли) не заходят, в самый раз. Вдруг откуда-то сверху, я чествую на себе взгляд, взгляд от которого стынет в жилах кровь. Я медленно поднимаю глаза и страх сковывает меня. Невозможно даже дышать. На меня смотрит громадная крысиная морда. Глаза черные, маслянистые, громадные. Она сейчас наброситься, промелькнула мысль. Я боюсь пошевелиться. Это чудовище прыгает на меня.

От страха, я весь онемел. Но она бросается не на меня, а на соседнюю нару, и начинает жрать сокамерника. Я слышу только ужасное чавканье. Я закрыл глаза и ждал своей очереди. Мне конец, подумал я.»

Что-то теплое капало мне на лицо. Я открыл глаза. И по-

нял, что мне приснился ужас. Провел рукой по лицу, что-то теплое и липкое осталось на моей ладони. Я посмотрел и проснулся окончательно, это была кровь.

«А...Аааааа...Ааааааа!!!», вырвалось у меня из горла.

Сон и явь перемешались в моей голове, «Кто-то перерезал мне горло», первое что пришло мне в голову. Но я не чувствовал боли. Немного прейдя в себя увидел, что кровь течет мне на лицо с верхнего «шконоря». Там жил Влад. Он был участником какой-то бандитской группировки и был не сильно разговорчив, у него суды шли долго, его сначала отпустили, а потом снова арестовали. Вчера его возили на оглашение обвинения и прокурор на судебном заседании запросил ему высшую меру. Когда он вернулся, ни с кем не разговаривал, лег на «шконарь» и завернулся в одеяло.

Я кинулся к двери, и начал тарабанить кулаками о железную броню.

– Помогите, человек умирает, – все что мог прокричать. Тогда я даже представить себе не мог, что он ночью перерезал себе сонную артерию. У него осталась жена и двое детей. Еще вчера он показывал мне их фотографии и надеялся с ними вскоре встретиться.

Его, уже остывшее тело, завернули в окровавленные простыни и уволокли по «продолу», (тюремный коридор).

От шока все в камере еще долго не могли отойти. Может быть система и должна осуждать виновных, но доводить людей до самоубийства, это тоже преступление, социальное и

как следствие не наказуемое. Потому что как можно наказать «стену», за ошибку одного кирпича из которого она состоит – никак.

В камере клопы не давали спать. Они словно выжидали, когда выключат свет и начинали атаковать всех, кто находился в камере. Спасения не было. Приходилось спать в одежде. Одевать перчатки и закутываться так, что только торчал один нос наружу. Но все равно, эти твари умудрялись прыгать на открытые части тела и жалить так, что оставались страшные волдыри.

Днем мы устраивали на них облавы. Искали где они гнезятся. Обычно это были пустоты между стальными прутьями, из которых были сделаны «шконари». Когда мы находили их, подносили зажигалку и держали до тех пор, пока они раздувались и лопались. Было какое-то садистское удовольствие в этой бессмысленной борьбе с клопами. Но ночью все начиналось сначала. Они словно телепортировались откуда-то и нападали с новой силой. Не выдержав, мы пожаловались на обходе начальству и потом пожалели. В тюрьме, главное это не подавать виду, что чем-то не доволен. Все обернется против тебя.

Ночью, распахнулась «броня» (двери в камеру) и ворвались «маски шоу», так называли тюремный спецназ. Они начинали бить всех дубинками, всех без разбору. Большой ты или нет. Неважно. Получали все, кто был в камере. Били очень сильно. До крови. Кто-то терял сознание. Потом всех

выгоняли на «продол». Выстраивали вдоль стены на растяжку. Руки упирались в стену ладонями наружу, ноги расставлены широко и от стены на метр. Словно висишь в воздухе. Те, кто был без сознания выволакивались за ноги и лежали рядом, хрипя от боли и пускали кровавые пузыри на грязный пол. Как-то раз, они потеряли одного. Они бьют всех, кто находится на первом или втором ярусе. До третьего редко доставали, обычно оттуда все сами прыгали. В общем после того как всех выволокли на «продол», не досчитались одного арестанта. Как потом выяснилось, недосчитались, наркомана Сашу. Он был задержан по подозрению в употреблении наркотиков, «торчок» одним словом. Его просто не заметили. И уже хотели объявить побег, но потом нашли его. Он был настолько тощ, что под одеялом его не было видно, а он спал. Ему перед этим в санчасти сделали успокаивающий укол. В общем он ничего не слышал. В отместку, контролеры написали ему на лбу фломастером – «МВД сила». И когда он сонный выбрел на «продол» и все, кто стоял вдоль стены увидели эту надпись, разразился громкий смех, перешедший в истерический хохот. Такие минуты давали разрядку всем и ментам, и арестантам.

Позже нас разбросали по «хатам», что бы не было сговора. Самое страшное, чего боятся администрация в тюрьме, это коллективного взаимодействия. Неважно, жалуется кто-то или что-то требует. Если это коллективное требование, система реагирует молниеносно. Всех разделяют. Это непри-

санный закон.

Как-то ночью, распахнулась "броня" и в камеру втолкнули средних лет мужичка, он был уже избит, одет в черную разорванную и грязную футболку, к груди прижимал пакет с пожитками. Конвоир, криво усмехаясь, обвел взглядом камеру и процедил сквозь зубы:

– Принимайте гостя.

Странно это было. Обычно после отбоя уже никого не заводили в камеру. Такое случалось только если была команда устроить «карусель». В Следственном изоляторе была своя оперативная служба. Полный набор возможностей вести оперативную деятельность. Грубо говоря, попадавшие сюда сразу же становились объектом следственных действий, только уже в тюрьме. Это делалось для того, чтобы давить на подсудимых. Например, «некто» не признает вину, его могут посадить в камеру где сидит «наседка», так званый стукач, работающий на оперов. Как правило это кто-то из задержанных, уже имевших судимость и отторгнутый уголовным миром за нарушение так называемого "воровского кодекса". Попался на краже у своих или сдал товарища, так же часто бывали насильники, которым грозила расправа в нормальной камере, их брали в разработку тюремные опера и под страхом, что их будут ущемлять сокамерники, заставляли работать стукачами, в обмен на защиту. Так вот их задача была выведать как можно больше информации из жертвы, на которую ему указывали оперативники изолятора. Ес-

ли не помогали такие методы, применяли более жесткие – «пресс хата», камера с отморозками, которые не чтут никакие законы. Или «карусель», большая или малая. Это когда задержанного переводят из камеры в камеру, например, через каждый час или день. Представьте себе, и так под стрессом в новой незнакомой обстановке, только немного успокоившись после ареста и адаптации в камере, раздается команда вертухая из-за железной двери:

"С вещами на выход!" .

Вначале приходит первая, глупая мысль, что наконец то свершилось! Разобрались и отпускают. Но старожилы знают по голосу или еще каким-то знакам, никого никуда не выпускают, просто переводят в другую камеру. А это большой стресс для тех, кто только что попал в эти жернова. Таким образом не дают возможности адаптироваться. Создают условия для того, чтобы задержанный не выдержал и начал говорить, не важно с кем и не важно что, главное заставить его раскрыться, а там уже глядишь и что-то для оперов полезное выдаст, а это звания и премии от начальства, есть за что бороться.

–Мужик, ты кто? – спросил один из сокамерников. Тот промолчал и лишь сжался в ответ, словно ожидая удара. Все уставились на него, чувствовалась нарастающая агрессия. Воздух словно накалился.

–Эй, тебя спрашивают, ты откуда? – продолжали уже другие. Такое поведение считалось неприличным. Входя в каме-

ру, обычно человек обращается к присутствующим со стандартной фразой "Здоровенько, куда можно положить вещи?". По этому случаю вспоминается тюремный анекдот. Заходит в камеру мужик, явно колхозной внешности и с белорусским акцентом спрашивает:

– Воры ЙО (есть)? – все повернулись и смотрят на него с удивлением. Он опять уже с угрозой в голосе:

–Спрашиваю, воры ЙО?

–Ну, есть, отвечают ему с настороженностью в голосе. По понятиям, вор – высшая каста в тюрьме, они проповедуют так называемый "воровской кодекс" среди заключенных.

Мужик бросает сумку на пол камеры и говорит:

–Смотрите, украдете щось, повбываю!

Кража у сокамерника, это тяжелейшее преступление в среде заключенных. Обычно на такое пускаются только самые отъявленные негодяи из всех возможных тут находящихся. Когда таких ловят, их могут заклеить и они удовольствоваться унижительной клички "Крыса", которая уже никогда не отпадет от них, до самой смерти. Так вот видимо этот колхозник не понимал понятий, поэтому и выдал такое. Обычно все тюремные анекдоты, близки к оригиналу.

Так вот, в данном случае мужик, которого впихнули в камеру, молчал и это был вызов. Явно были какие-то причины. Сразу попытались узнать, что случилось, в соседней камере. Условным знаком постучали в стену и приложив алюминиевую кружку к стене одной стороной и к губам другой, про-

кричали:

–Але-муле, шо за чел от вас пришел?

И приложив уже ухо к кружке слушали ответ:

–Не знаем, так же забросили, он ничего не говорит, ответили в соседней камере.

Обстановка еще больше накалилась. По понятиям, должны "курсануть" про того, кто попадает в хату, если он не "первоход", тот кого только что арестовали. Обычно за входящим в камеру приходит следом "малява", все нормально, "чел" приличный или предупреждение, "чай не пить, дружбу не водить, чел на "кругале". Это значит, что-то за ним не хорошее тянется, но еще не подтверждено, и что бы понапрасну человеку не ломать судьбу, он как бы до выяснения, сам по себе. Но бывают и "отпишутся", что мол "крысу поймали, нужно "спросить с него физически", другими словами избить как следует, в наказание за "крысятничество" и в наездание другим. Или еще хуже, что это "гребень" скрывался. То есть "опущенный" или "пидор". Такое бывает, скрывают свое прошлое.

С такими не дай боже "поплоскаться", попить чайку или перекусить. Потом вся хата будет на "карантине" до окончания разбирательств.

Поэтому и вызвало такое негодование, поведение этого несчастного. Он упорно продолжал молчать, когда к нему обращались сокамерники. В принципе, ничего страшного в этом не было. Его могли не трогать, пока не передадут "ма-

ляву" с информацией о нем. Но дело осложнялось тем, что не было времени, а если не спросить с него, то потом спросят со всех кто был в камере. Так рассуждали неопытные заключенные. В СИЗО. Те кто заезжал по второму разу, более опытные арестанты и разбирались в тюремных понятиях, и те кто первый раз попал, так называемые «первоходы», обычно сидели в камерах по разную сторону "прохода" (коридора) и связи между ними не было никакой, что бы не наводили воровскую движуху в СИЗО и не оказывали негативного влияния на новых и не опытных арестантов. А тех ссучившихся, которые скрывались от расправы на "строгой" стороне опера бросали в хаты к "первоходам", они там и наводили "двиуху" пропихивая то что нужно им для личной выгоды и операм, для работы. Были такие и в этой камере. Один из них, альфонс, сидел уже неоднократно за то, что обирал доверчивых дамочек, ищущих романтики и острых ощущений. Звали его Леха.

Он любил, лежа на нарах пожевывать сигарету "зачесывать" как лихо он разводил несчастных женщин, доведенных до отчаяния безысходной жизнью без любви и внимания.

– Короче, она меня сразу домой пригласила, – цедил сквозь зубы очередную байку про свои похождения Леха, – ну и сама в душ типа пошла, я быстро по шкафам и в сумке пошарил. Повезло, нашел "нычкарь", там пару штук рублей было, золотишко по мелочи собрал, ну мобилу еще прихватил и на выход. А эта курица думала я с ней в любовь играть

буду, – закончил он свой рассказ ухмыляясь.

Многие из жертв не обращались в милицию, боялись огласки. Но видимо кто-то не побоялся и его прихватили с поличным при очередном облегчении карманов несчастной барышни, жаждущей романтики. Смотря на него просто поражаешься, как можно с ним не то что говорить, а даже стоять рядом. Растрепанные патлы, нет пары зубов, а те что остались безжалостно дожирает кариес, лицо не симметричное, такое чувство, что его "рихтовали" не раз. Глаза выцветшие и пустые. Он никогда не смотрел в глаза собеседнику. Невысокого роста, худощавый, даже можно сказать худой, сгорбленный, отчего руки казалось свисали как у обезьяны, ниже колен. К тому же больной туберкулезом. Если это герой дамских вожделений, то можно только им посочувствовать.

Таких должны сажать в специальные камеры, для лечения и ограничения контактов с другими арестантами, чтобы не распространять туберкулез, которым здесь можно заразиться как гриппом. Но "лягавым" доставляло удовольствие подсаживать больных к здоровым. Мерзкий тип, очень наглый, уже не первый раз "катался" по тюрьмам.

Спрыгнув с нары, он начал надвигаться на мужичка сжав кулаки.

– Ты кто, козел? – процедил он сквозь зубы и неожиданно начал его бить. Тот присел на корточки и прикрыл согнутыми руками голову, видно было, что он уже не раз так защищался от побоев. Такая поза не давала нанести сильный удар

в тесной камере. Леха, пыхтел, пытаясь нанести как можно больше ударов, но легкие туберкулезника не давали ему возможности сильно разойтись. Все смотрели на происходящее словно в ступоре, так все быстро произошло. Неожиданно дверь в камеру распахнулась, и конвоиры заорали на избитого мужика:

– На выход!

Бедолага поднялся, вытирая кровь с лица рукавами рубашки и поковылял к выходу из камеры. Так осталось не выясненным кто это был. Позже пришла малява, что это был дальнобойщик, которого, арестовали и он не соглашался с доводами мусаров, и отказывался признавать то что они хотели ему навесить. Вот ему и устроили «Большую карусель», это когда бросают в камеру на несколько минут или часов, а потом забирают и бросают в другую и так по всей тюрьме, пока жертва не возьмёт на себя то что хотят на него повесить. Не исключено, что Леха работал на опера тюрьмы. Только так можно было объяснить его поступок. Видимо он знал, что нужно делать с такими, кого забрасывали без объяснений. Таких как он специально подсаживали в камеру к «первоходам», где всегда можно пожитья на неопытных еще арестантах, а заодно и раздобыть для опера важную информацию или оказать услугу, как он это сделал сейчас, избывая незнакомца.

Ночью приходили этапы на зону. Кто-то из зеков пошутил, что типа ночью перевозят, что бы американцы не виде-

ли со спутников как много арестовывают людей в Беларуси. Но конечно же это была шутка. Американцам было глубоко безразлично что происходит в Беларуси. Да и Беларусь не была объектом мировых интересов.

От станции в приоткрытый люк «автозака» (авто для перевозки арестантов, железная будка разделена на секции, которые дополнительно запираются конвоиром), было видно звездное осеннее небо. Казалось оно совсем рядом таким близким и родным. Как жаль, что на воле редко смотришь на звездное небо. Что-то теплое и волнующее просыпается в груди. Словно душа готова вырваться и полететь к звездам от всего этого ужаса. Звезды, как все далеко. «Автозак» забит до отказа. Некоторые стоят. На ухабах машину трясет и все, кто стоит, пытаются упереться руками в стену, чтобы не потерять равновесие. Наконец то слышен грохот открываемых ворот, потом еще одних и вот машина останавливается. Открывается дверь и раздается голос из темноты:

– По одному, выходим. На колени, руки за голову, смотреть в землю. Кто пошевелиться стреляем на поражение. Все это сопровождалось безумным собачьим лаем.

По одному подходят арестанты к двери в «автозаке» и исчезают в темном проеме, словно их поглощает бездна вечности. Каждый тянет с собой сумки с пожитками. Их называют «кешар». Когда очередной зек подходит к двери, его хватают с двух сторон конвоиры их вытаскивают наружу, не давая опомниться ставят в один ряд с уже стоящими на коле-

нях попутчиками, которые вышли ранее. Всех выгружали на землю, это уже была зона. Ночь и шок от пережитого погружали в ужасное состояние, словно обреченная жертва, понимаешь, с тобой могут сделать все что угодно, стереть в лагерную пыль и никому нет дела до тебя. Чувство безысходности, отчаянья и опустошенности настолько охватывают, что на какой-то миг становиться безразлично, что произойдет в следующее мгновение. «Это конец», все что удается осознать в эти минуты. Конец всему. Прошлой жизни, будущему и возможно настоящему. Это все что пульсирует в сознании человека, стоящего на коленях с руками за головой и опущенным лицом в землю, под безумный лай собак и насмешки надзирателей.

Красный кабриолет неспешно ехал по центральной улице маленького городка. Прохожие оборачивались в след, кто-то с завистью, а кто-то с восторгом. Такое не каждый день увидишь в белорусском захолустье, словно в Голливуд пришел с экранов на улицы. Такая жизнь, мечта для провинциалов. Крутая тачка, полная девиц, постоянные гулянки, куча друзей – прихлебателей. Что еще нужно? Кажется, что это эталон для подражания, никто не интересуется, что за этим стоит, главное обладать. Перемены не принесли ничего кроме желания выжить любой ценой. Кто-то продолжал упорно работать на государственных предприятиях за жалкую зарплату и без перспектив. А кто-то не хотел мириться с безысходностью и бросался на поиски заработков любой ценой, пусть

даже и не правомерной.

В авто ехал местный мажор и кутила – Закир. Его постоянно окружала толпа красивых девушек и преданных собутыльников. Закир сорил деньгами, словно это были фантики. Попастъ в его компанию было не просто, нужно было отражать его стиль жизни, что было не просто, особенно в провинции, где все на виду и каждый шаг и поступок по долгу обсуждается и пересказывается местными жителями, а ввиду того что яркие события происходят редко, и смена впечатлений не происходит годами, а то и десятилетиями поведение мажора вначале интересно, потом привыкают и последняя стадия это раздражение, которое накапливается среди мещан, которым недоступны и не понятны поступки прожигающего жизнь человека, да еще и не белоруса по национальности. Негодование, словно вирус начало заползать в головы обывателей.

Закиру хотелось всегда внимания, он его и привлек, только не со стороны поклонников. В конце концов постепенно все начали задавать друг-другу вопрос – «откуда столько денег у него?».

В кабине бензовоза находилось двое, водитель и пассажир. У пассажира была в руках рация. Машина медленно ехала с потушенными фарами по лесопосадке вдоль поля. Тот, у кого была рация, нажал кнопку вызова и шёпотом спросил:

– Чисто?

Через какое-то время из рации послышался тихий ответ:

– Да, чисто.

– Давай к тем деревьям, – сказал пассажир водителю и тот направил бензовоз к небольшим зарослям недалеко от лесополосы. Машина побъехала почти бесшумно к указанному месту.

– Глуши мотор, – скомандовал пассажир. Водитель выполнил его команду и прилег на руль пристально всматриваясь в темноту. Наступила полная тишина, только тихое потрескивание рации выдавало их присутствие. Они ждали сигнала выходить из машины.

– Все готово, – послышалось из рации, еще через пару секунд, -

– Выходите!

Аккуратно приоткрыв двери бензовоза, водитель и пассажир спрыгнули в траву. Ночь окутала их своими объятиями, стрекотаньем сверчков и дыханием нескошенных лугов. Из кустов вышел человек одетый в камуфляж и с прибором ночного видения на голове, оптика была поднята, в руках у него была рация. Очевидно это они с ним вели переговоры.

– Готовы заправляться? – последовал вопрос.

– Готовы, шепотом ответили почти одновременно водитель и пассажир и начали разматывать шланг для закачки топлива. Один остался возле бензовоза, а его другой потянул второй конец шланга в кусты. Через какое-то время послышалась команда «Давай» и тот который остался возле ма-

шины открыл кран для закачки топлива в бензовоз, шланг напрягся и было слышно, как в цистерну начало поступать топливо. Воздух наполнился запахом бензина.

В кабаке гремела музыка. Народ в пьяном угаре выплясывал, словно в каком-то безумном припадке жертвенного танца, между столиками сновали официанты. Закир праздновал день рождения с размахом, сотня приглашенных и еще почти столько же приبلудившихся во время празднования с улицы. Гуляли широко. Столы ломились от закусок и выпивки. Хозяин вечеринки сорил деньгами, так словно печатал их на принтере, казалось он владеет несметными богатствами, для маленького провинциального городка это было не только предметом восхищения, но и вызовом, вызовом мещанскому спокойствию и благополучию. Горожане были не готовы мириться и жить рядом с новоявленным миллионером, нарушившим сокральные правила их жизни – никогда не высывайся.

В углу зала за столиком сидели два типа, явно не вписывающиеся в разгуляево, но с интересом наблюдавшие за происходящим. Они были похожие на случайно попавших в ресторан командировочных.

– Где он? – спросил один из них своего товарища.

– Да вон, чернявый с «телками», это и есть Закир, – процедил тот сквозь зубы и с ненавистью в глазах.

Тот который спрашивал, через какое-то время сказал:

– Все понятно, берем в разработку.

Это были два опера из областного управления, приехали посмотреть, что происходит. Контору завалили жалобами и анонимками на поведение и образ жизни Закира. Анонимка – это мощный рычаг контроля за жизнью граждан. Это приветствуется, поддерживается и стимулируется. Это как нервные окончания системы, запущенные в самые глубины социального организма. Словно посылают сигналы о состоянии здоровья социума, позволяющие контролировать ситуацию чиновникам и органам контроля в лице комитета госбезопасности. Анонимка всего лишь первый сигнал, потом начинают включаться более сложные системы проверки данных. Объект исследования окружают информаторами, их ищут в окружении, близком и не очень. Ищут компромат, слабые точки по которым можно ударить. Изменяет жене или уходит в запой, а может любит азартные игры или увлекается мальчишками. Все это собирается и тщательно изучается. Ищут куда нанести удар, чтобы легче было обработать жертву и уничтожить. И словно пауки, начинают плести сети вокруг намеченной цели. Вокруг Закира такие сети уже были сплетены. Осталось только толкнуть его в них.

Внезапно вспыхнул яркий свет. Словно взрыв разорвал оковы ночи превратив ее в одно мгновение в яркий свет. Из мощного динамика, разрывая ночную тишину раздался крик:

– Всем оставаться на своих местах, вы окружены спецназом. Попытка к сопротивлению будет подавлена огнем на по-

ражение.

В камере наступает отбой. Ветухаи выключают свет. Остается только «луна», лампочка в пол накала под потолком, закрытая решеткой. Потихоньку звуки тюрьмы наполняют собой всю камеру. Тюрьма оживает ночью. Тянут «дороги» между хатами. Летом вынимают рамы со стеклами и только решетки отделяют от внутреннего двора, все слышно, словно происходит совсем рядом. Постукивания и условные крики:

– Поставьте глаза! – слышится крик откуда-то из темноты.

Это в «этапке» наводят дороги с внешним миром, «этапка» камера в подвале. Там собирают всех, кто уже осужден, для отправки по зонам, местам отбывания наказания. В эту «хату» стекаются все пути дороги. Грузы на этап, в «общее» (общак, собирают сигареты, чай для тех кто нуждается в поддержке), малявы по делу и без. Обычно в такой хате сидит смотрящий за тюрьмой. Следит что бы не было беспредела между арестантами. Поставить глаза значит, выставить «обезьянку», из угловой камеры. Это маленькое зеркальце, закрепленное на проволоке или на туго скрученной газете. Смотрят чтобы ветухаи не обрывали багром «дороги» между «хатами».

Закир с трудом понимал где он. Еще вчера он веселился на своей свадьбе. Не успели молодожены произнести торжественный тост, как неожиданно ворвались вооруженные люди и с криками «всем оставаться на своих местах», подбежали к Закиру и при всех повалив его зачем то на пол, закова-

ли в наручники. В этот день арестовали всю его банду, промышлявшей незаконной выкачкой нефти из магистрального трубопровода «Дружба», всего двенадцать человек. Врезки делали в отдаленных труднодоступных местах, специальным прибором, что бы не упало давление в трубопроводе. Делали отвод в ближайшую лесопосадку и потом подгоняли бензовозы ночью, чтобы откачивать нефть. Один из таких бензовозов и поймали в недавно устроенной засаде, на парней Закира. Всего таких бензовозов было десять, и врезок было до десяти в разных местах трубопровода. Нефть потом продавали под видом мазута на предприятия. Превращение жидкого золота в золото реальное приносило отличный доход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.